

нерѣдко самыя удивительныя вещи выдавались нашими богословами за церковное ученіе, а ихъ санъ и ученые дипломы легко могли заставить читателей повѣрить тому, что и дѣйствительно разныя богословскія измышленія выражаютъ церковное сознаніе. Вѣриль же этому самъ Л. Н. Толстой... Получается поражающая картина. Пятнадцать вѣковъ назадъ великій христіанскій проповѣдникъ со всею силою убѣжденности доказывалъ, что заповѣди Господа, какъ онѣ выражены въ нагорной бесѣдѣ, могутъ и должны быть исполняемы въ Церкви Христовой. Ревностно обличалъ св. Іоаннъ неправый путь жизни человѣчества и призывалъ горячо и неустанно вступить на путь послѣдованія Христу. Прошли полторы тысячи лѣтъ, и эту самую мысль также горячо и неустанно защищаетъ графъ Толстой, но уже не столько обличая членовъ Церкви, сколько самую учащую церковь. Конечно, произошло страшное недоразумѣніе: гр. Толстой смѣшалъ голосъ Церкви съ голосомъ отдѣльных ея представителей. Но все же нельзя закрывать глаза на то явленіе, что и пятнадцать вѣковъ спустя послѣ св. Іоанна, а вѣрнѣй—19 послѣ проповѣди въ мірѣ Евангелія, находятся люди, которые отъ лица Церкви доказываютъ и убѣждаютъ, что евангельскія заповѣди, какъ безконечно высокія, неприложимы къ нашей жизни во всей ихъ чистотѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что христіанское самосознаніе какъ бы понизилось. Но вѣрится, что это не такъ, и полторы тысячи лѣтъ не прошли бесплодно для христіанизациі человѣческаго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ св. Іоанна и другихъ святителей древней Церкви мы имѣемъ великихъ христіанскихъ учителей, мысль которыхъ высоко-высоко поднималась надъ уровнемъ широкихъ круговъ ихъ современниковъ. Поэтому и произошло такъ, что жизнь далеко отстояла отъ возвѣщаемой учителями церкви истины, и эта жизнь, человѣческій эгоизмъ и плотяность не только не были, повидимому, побѣждены призывомъ великихъ церковныхъ учителей, но укоренялись, и прямое нарушеніе заповѣдей Христовыхъ вошло въ самый бытъ жизни христіанской какъ нѣчто законное, извиняемое немощностью человѣческой природы и устоями человѣческихъ обществъ. Поэтому также остро, а можетъ быть и еще острѣе ставится для нашего сознанія проблема о разладѣ между жизнью и идеаломъ. Но однако самая проблема ставится уже не только съ высоты церковной кафедры, но и изъ нѣдръ народнаго созна-